

Г. Саркисян

Градостроительство в Армении при Тигране II и вопрос о переселении чужестранцев

Первые десятилетия I в. до н. э. для Великой Армении явились порой энергичной внешней экспансии, превратившей Армению в одно из крупнейших государств Передней Азии и Средиземноморья. Этот внешний рост был обусловлен бурным внутренним развитием армянского рабовладельческого государства; одним из проявлений этого развития было интенсивное градостроительство.

Интерес (почти всегда — враждебный) к указанному периоду истории Армении, свойственный античным авторам, был унаследован исследователями нового времени. В частности, вопросы градостроительства при Тигране II затронуты крупными представителями буржуазной науки — Моммзеном и Рейнаком.

Об основании Тигранакерта Моммзен пишет, что это был „один из тех гигантских городов, свидетельствующих более о ничтожестве народов, чем о величии властелина, которые словно из земли выросли в приевфратских странах по властному слову нового султана при каждой смене монарха“¹.

У Рейнака читаем: „Новому Салманассару подобала новая Ниневия...“ „Новая столица „город Тиграна“ возникла из-под земли, как по мановению волшебной палочки... Тигранокерта... на деле являлась воспроизведением огромных ассирийских и вавилонских городов древности. Это было удивительное, но эфемерное порождение (Gründung) восточного духа“² и т. д.

Основным пороком приведенных рассуждений Моммзена и Рейнака является то, что они приписывают основание Тигранакерта исключительно воле Тиграна II. Тем самым они пытаются изолировать это явление, оторвать его как от современной Тиграну II исторической действительности Передней Азии, так и от предшествующей истории самой Армении.

В советской исторической науке уже сделаны шаги для преодоления этой неправильной, антиисторической точки зрения, долгое время господствовавшей в арменоведении. В книге Я. А. Манандяна „Тигран Второй и Рим“ подвергнута пересмотру вся совокупность взглядов буржуазных ученых на историю Армении времени Тиграна II. В исследовании С. Т. Еремяна „Развитие городов и городской жизни в древней Армении“³ основание Тигранакерта увязано с предше-

¹ Т. Моммзен, История Рима, III, М., 1941, стр. 44.

² Th. Reinach, Mithradates Eupator König von Pontos, Leipzig, 1895, стр. 340.

³ „Вестник древней истории“ (в дальнейшем сокращенно ВДИ), 1953, III, стр. 13—17 и 20 сл.

вавшим на почве Армении градостроительством, и подтвержден важный вывод Я. А. Манандяна¹ о том, что Тигран II заботился не только о строительстве Тигранакерта, но и о росте других городов Армении, поселив в них часть приведенного им из завоеванных стран городского населения.

Все же данные о градостроительстве в Армении при Тигране II исследованы пока далеко не полностью.

Градостроительство в древней Армении имело место уже в период Оронтидов (Еруандуни) в III в. до н. э. Со строительной деятельностью представителей этой династии связаны три топонимических названия в Араратской долине—Еруандашат², Еруандакерт и Еруандаван³. Хотя городом в полном смысле слова принято считать один только Еруандашат (поскольку об этом имеется свидетельство), не исключена возможность, что и два других названия или, хотя бы, какое-либо из них принадлежали поселениям городского типа. Окончания этих названий (-керт и -ван), во всяком случае, позволяют сделать такое предположение⁴.

Во владениях другой ветви Оронтидов, в Софене, в середине III в. до н. э.⁵ возник город Аршамашат. Основание другого софенского города, Аркатиакерта, произошло не позже 160-х годов до н. э.⁶

Отсюда видно, что уже ко времени основания Арташата, столицы новообразовавшегося государства Великой Армении, были накоплены известные традиции в деле градостроительства.

Основание Арташата нашло отклики и в античной и в армянской историографии: до нас дошли сообщения Страбона, Плутарха и Мовсеса Хоренаци⁷. Эти сообщения общеизвестны и неоднократно комментированы учеными, однако при тщательном изучении указаний по-

¹ Я. А. Манандян, Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, 1945, № 15, стр. 11.

² Фавстос Бузанд, IV, 55; Мовсес Хоренаци, II, 39 и др.

³ М. Хор., II, 42, 46.

⁴ В Армении это наиболее обычные окончания для таких городских названий, в которых содержится личное имя. Некоторые трудности представляет название Еруандаван. Гюбшман решительно протестует против толкования *brčšnqšwš* как *brčšnqš-wš* (H. Hubschmann, Die altarmenischen Ortsnamen. Indogermanische Forschungen, 16, Strassbürg, 1904, стр. 426), указывая, что присутствие *q* вместо *č* исключает возможность такого толкования. Между тем буква *q* могла быть введена самим Мовсесом Хоренаци, вместо имевшейся *č*, чтобы таким образом привести в соответствие со своим этимологическим толкованием (*brčšnqšwš* от слова *qšwš*) графическое изображение слова, быть может даже в ущерб его правильному звучанию.

⁵ См. E. Honigmann, Kommagene. Pauly-Wissowa-Kroll, Realencyklopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, Supplementband IV, 1924, стр. 981.

⁶ Стефан Византийский (Steph. Byz., s. v. Ἐπιφάνεια, стр. 274) сообщает, что Антиох IV Эпифан (175—164 гг. до н. э.) переименовал Аркатиакерт (у Стефана Византийского—Ἀρχαίκερτα) в Эпифанию. Это могло быть сделано только во время похода Антиоха IV в Армению, произошедшего в середине 160-х годов до н. э. Аркатиакерт, следовательно, был основан раньше.

⁷ Strabonis geographica, IX, 14, 6; Plutarchi vitae, Luc., XXXI; М. Хор., II, 49.

следних двух авторов удастся добыть некоторые новые данные о планировке и методах заселения Арташата.

Плутарх сообщает: „Говорят, что (Ганнибал)... найдя удобную местность, ...нарисовал на ней план города для его основания“. Предание об участии Ганнибала в деле строительства Арташата уже давно и с основанием было подвергнуто сомнению¹. Здесь важно другое: ясно, что внешний вид города давал основание утверждать (Плутарху, если тот сам видел город, или его источнику), что Арташат в свое время был построен по единому плану. Если это действительно так, то образцом для планировки Арташата могла быть только планировка эллинистических полисов, поскольку урартские города, имевшие также единую планировку, уже давно исчезли с лица земли².

Мовсес Хоренаци сообщает: „Арташес отправился на то место, где сливаются Ерасх с Мецамором. Здесь понравился ему холм, на котором он построил город и назвал его по своему имени Арташатом... Он выводит из города Еруанда (Еруандашат—Г. С.) пленных евреев, переведенных туда из Армавира, и поселяет их в Арташате“.

Неточность в хронологии у Мовсеса Хоренаци, ставящего Тиграна II, при котором в Армении появилось массовое еврейское население, до основателя Арташата — Арташеса, не должна помешать нам воспользоваться данными о методах заселения новооснованного города, заключенными в приведенном отрывке. Повидимому, в Армении, как и

¹ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, изд. втор., Ереван, 1954, стр. 50.

² Здесь же нужно сказать о мнениях по поводу планировки Тигранакерта. Момизен и Рейнак сравнивали его с ассиро-вавилонскими городами (см. выше, стр. 43). Таково же мнение Леманн-Хаупта (*C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt*, I, Berlin, 1910, стр. 36). Оспаривая эту точку зрения, акад. Я. А. Манандян считал, что Тигранакерт был спланирован по типу компактных эллинистических городов, в то время как в Вавилоне и Ниневии на обширных пространствах и среди отдельных кварталов расстилались пашни, луга, сады и фруктовые рощи... Ниневия, как сообщает пророк Иона (III, 2), занимала пространство в три дня пути. Окружность Вавилона, согласно свидетельству Геродота (I, 178), равнялась 480 стадиям (около 85 км)* (Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943, стр. 63).

Не пытаясь предрешать вопрос о характере планировки Тигранакерта, могущий быть выясненным окончательно лишь в результате раскопок, мы хотим указать, что как сравнение вышеназванных авторов, так и возражение акад. Я. А. Манандяна основаны на неверном представлении о городах древнего Востока. Археологические раскопки показали, что окружность Ниневии равнялась приблизительно 15 км (*V. Christman, Altertumskunde des Zweistromlandes*, I, Tafeln, Leipzig, 1940, табл. 3). Длина основной стены Вавилона была еще меньше — она равнялась 8150 м и город со временем лишь не намного вышел за ее пределы (*E. Ungar, Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier*, Berlin, 1931, стр. 43 сл.). „Общий взгляд на городской облик Вавилона позволяет судить о том, что уже старый Вавилон, задолго до того, как греки дошли до планомерного строительства своих городов, имел планомерное устройство всего городского комплекса. Улицы пересекались под прямым углом...“ и т. д. (там же, стр. 58). То же самое можно сказать об урартских городах, в частности о Тейшебаини (Кармир блур).

в эллинистических странах, при основании нового города другие города добровольно или по принуждению делились с ним своим населением. Поскольку в Армении во II в. до н. э. городов было мало, привлекалось, вероятно, и сельское население. Имелся еще один важный источник — массовое переселение жителей покоренных стран. Обширные завоевания Арташеса нам хорошо известны по яркому сообщению Страбона¹. Мовсес Хоренаци полностью подтверждает это сообщение и добавляет, что Арташес „умножил население армянской земли, приведя в нее многих чужеземцев“², а также рассказывает конкретные случаи переселений³. Отсюда следует, что переселения, принимавшиеся впоследствии Тиграном II, отнюдь не являлись его изобретением, а издавна служили одним из методов заселения городов.

Говоря о переселениях в период правления Арташеса, нужно иметь в виду, что в населении нуждался не только Арташат. То обстоятельство, что более или менее подробные сведения сохранились именно об Арташате, не означает, что это был единственный новооснованный город. Источники называют целый ряд городов, носивших названия, включавшие имя Зареһ — Зареһаван или Заришат. Эти города были раскинуты цепочкой от озера Урмия до Вананда, т. е. от южных границ Великой Армении до ее северных пределов. Я. А. Манандян полагал, что эти города были основаны сыном Арташеса Зареһом⁴. Нам кажется гораздо более вероятным, что эти города носят имя не сына, а отца Арташеса — Зареһа⁵, упомянутого в надписи Арташеса, написанной арамейскими буквами⁶.

Страбон, описывая Арташат ('Αρταξάτα или 'Αρταξισατα), упоминает еще один город — 'Αρξάτα, находившийся, судя по его описанию, в районе Нахчавана⁷. Кажется возможным, что это — сокращенное название, также включавшего имя Арташеса⁸.

Область Арташисян на восточном побережье Ванского озера по-

¹ См. *Strab.*, XI, 14, 5.

² *М. Хор.*, II, 56.

³ См. там же, 52, 53.

⁴ Հ. Խանդանյան, Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հ. II, Երևան, 1944, էջ 133.

⁵ Обычай присвоения династических названий новооснованным городам был широко распространен в эллинистическом мире. Чаще всего присваивалось имя царя-основателя, иногда — имя его жены. Во многих случаях города назывались именем отца царя-основателя, независимо от того, был ли отец царем или нет. Так, например, Селевк I назвал Антиохиями шестнадцать из основанных им городов по имени своего отца (*App.*, *Syr.*, 57). Сын Селевка I, Антиох I, основал несколько Селевкий, Аттал II, царь Пергама, основал Филетерию и т. д. (См. *V. Tscherikower*, *Die hellenistischen Stadtgründungen von Alexander dem Grossen bis auf Römerzeit*, *Philologus*, Supplementband XIX, вып. 1, стр. 175, 180). Так же, по нашему мнению, обстоит дело и с городами, носившими названия Зареһаван и Заришат.

⁶ См. А. Я. Борисов, Надпись Артаксия (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1946, II, стр. 100 сл.

⁷ См. *Strab.*, XI, 14, 6.

⁸ Ср. сокращения 'Αχιλίστην в 'Αχιστήν (*Strab.*, XI, 4, 5), 'Αρταμισατα в 'Αρμόσατα (*Polymb.*, VIII, 25), Arsamosata в Armosata (*Plin.*, *Nat. hist.*, VI, 9) и т. д.

лучила свое название, повидимому, от одноименного города, который здесь некогда существовал¹.

Как бы проблематичны ни были те или иные пункты вышесказанного, все же становится ясным, что в Армении уже до I в. до н. э. имелась богатая традиция градостроительства: большой опыт основания и выработанные методы заселения городов, которые и были использованы Тиграном II.

Говоря о градостроительстве, мы имеем в виду не тот стихийный процесс возникновения городских центров, который почти всегда сопровождал начальные этапы рабовладельческого строя. Речь идет об активном вмешательстве центральной власти в дело развития городской жизни и умножения городских центров. Такое явление наблюдается на довольно поздних этапах развития рабовладельческого общества, когда уже возникли и существуют крупные государства с центральной властью, обладающей достаточной силой, чтобы взяться за такую трудную задачу, каким является градостроительство. С ним мы сталкиваемся, по существу, впервые в VIII—VII вв. до н. э., в период существования великой Ассирийской державы; уже тогда было принято новооснованные города называть именами царей. Но градостроительство достигло своего апогея в эллинистический период, когда по всей Передней Азии возникли сотни новых городов.

Город эллинистического времени был, прежде всего, земледельческим центром и состоял из собственно города и окружавших его земельных территорий. Верхние слои его свободного населения составляли коллектив полноправных граждан, а остальные—неграждане—находились на различных ступенях правоспособности и зависимости, вплоть до рабского состояния. Городской аппарат управления, состоявший из собрания граждан, совета и магистратов, представлял собой миниатюрный государственный аппарат и был орудием в руках землевладельцев-рабовладельцев города для эксплуатации рабов и полусвободных земледельцев.

Такой облик в эллинистическое время был свойственен отнюдь не только новооснованным городам, организованным, как правило, по образцу греческих полисов, но и местным, имевшим многовековую историю древневосточным городам, которых к такому состоянию подвело постепенное развитие рабовладельческих отношений².

Города были заинтересованы в существовании сильной центральной власти в государстве, в которое они входили как составная часть. Наличие такой власти было залогом успешной эксплуатации производителей материальных благ со стороны рабовладельцев и землевладельцев городов, задачи, с которой они одни, без помощи центральной власти, не в силах были бы справиться. Кроме того, цен-

¹ См. С. Т. Еремян, Развитие городов, ВДИ, 1953, III, стр. 14.

² См. Г. Х. Саркисян, Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, I, стр. 68—83. Он же, О городской земле в Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1953, I, стр. 59—73.

тральная власть обеспечивала городам беспрепятственную транзитную торговлю и тем самым — развитие товарного ремесленного производства, что имело для городов первостепенное значение.

Однако, если города не могли обойтись без центральной власти, то и последняя не могла обойтись без городов. Города, заинтересованные в политической целостности государства, составляли опору центральной власти, ту силу, без которой централизация была бы невозможна.

Этим, в значительной степени, объясняется забота центральной власти об укреплении и умножении городов.

Основание города считалось царской функцией: царь заботился о выборе места будущего города, о его заселении и политическом устройстве, а также выделял для него земельные территории. Новые города, как правило, носили династические названия.

Города основывали, чаще всего, на месте уже существующих поселений, по методу синойкизма — сселения в один большой город ряда мелких поселений. Посредством синойкизма были основаны крупнейшие города эллинистического времени — Александрия, Антиохия-на-Оронте, Селевкия-на-Тигре и десятки других.

Возвращаясь к градостроительству в Армении в III—II вв. до н. э., мы видим, что оно не представляло собой изолированного явления, а было частью, ответвлением грандиозного процесса, протекавшего по всей Передней Азии. Равным образом и градостроительство при Тигране II, наиболее ярким фактом которого явилось основание Тигранакерта, как увидим дальше, полностью укладывается в рамки эллинистического градостроительства.

Характерная черта — присвоение новым городам имени царя-основателя или его предков — в полной мере была свойственна и Армении: Ерундашат, Аршамашат, Арташат, Тигранакерт и другие города, основанные в этот же период, носили династические названия.

К сожалению, первоисточники не дают возможности детально судить о сходстве экономического строя Армении с экономическим строем эллинистических стран. При таких условиях весьма существенным аргументом в пользу этого сходства является градостроительство в Армении, его характер и его методы.

Из всех армянских городов изучаемого периода о Тигранакерте сохранились наиболее подробные сведения. Этот город, согласно Аппиану, был основан Тиграном II на том самом месте, где он был коронован¹. Исходя из этого, исследователи считают, что, по всей вероятности, на месте Тигранакерта было расположено поселение, связанное с какими-то древними традициями².

¹ См. *App., Mithr.*, 67.

² См. *C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt*, стр. 396—398. Автор предполагает даже, что это поселение восходит к ассирийскому времени.

Вопрос о локализации Тигранакерта по справедливости считается одним из самых запутанных в античной географии. Разноречивые указания античных и армянских авторов породили и различные мнения у многочисленных исследователей, обращавшихся к этому вопросу. Последнее слово было сказано Леманн-Хауптом, согласно заключению которого, сделанному на основании литературных данных и изучения местности, Тигранакерт был расположен севернее реки Тигра, на берегу его притока Фаркин-су. Это решение вопроса кажется убедительным, и оно принято большинством специалистов¹.

Суммарное описание Тигранакерта мы находим у Аппиана². Окружавшая город стена имела высоту около 25 метров, и в ее толще помещались конюшни. В пригороде был возведен дворец с огромным парком, а также выстроены укрепления. Царь приказал знатым армянам поселиться в городе и, кроме того, заселил его плененными в соседних странах городскими жителями. В Тигранакерте, вероятно, обитали и жители существовавшего раньше на его месте поселения. Плутарх называет город огромным, хорошо застроенным и богатым и упоминает о существовании в нем театра³.

Поскольку градостроительство при Тигране II и, в частности, основание Тигранакерта неразрывно связано с переселением чужестранцев в Армению, следует особенно тщательно изучить все, что касается этого переселения. Данные довольно многочисленны и позволяют сделать ряд выводов относительно масштабов переселения, состава переселенцев, их судьбы в Армении и т. д.

Прежде всего — о масштабах переселения. Согласно Аппиану, Тиграном II из одной только Каппадокии было уведено 300 тысяч человек⁴. Поскольку, однако, Аппиан здесь ничего не сообщает о завоевании Тиграном, помимо Каппадокии, других областей Малой Азии, то следует допустить, что под Каппадокией, в данном случае, нужно понимать всю совокупность этих земель. Кажется вероятным поэтому, что приводимая им цифра относится не только к пленным каппадокийцам, но и ко всему тому населению, которое было уведено Тиграном из захваченных им малоазийских областей, расположенных западнее Евфрата, в том числе из Киликии. В настоящее время на соответствующих территориях проживает около двух миллионов человек⁵. Нет оснований полагать, что в древности они были населены значительно реже. Для I в. до н. э. данных нет, но во II в. н. э., согласно подсчету Броутона, в одной только провинции Киликии проживало

¹ См. *C. F. Lehmann-Haupt*, ук. соч., стр. 381—429; 501—523. Сводку взглядов на локализацию Тигранакерта см. *K. Eckhardt*, *Die armenischen Feldzüge des Lukullus*, I, Кlio, IX, 1903, стр. 403—409, и *Я. А. Манандян*, О торговле и городах..., стр. 76—79.

² См. *App., Mithr.*, 84.

³ См. *Plut., Luc.*, XXIX.

⁴ См. *App., Mithr.*, 67.

⁵ См. *La Turquie contemporaine*. Publié par la direction générale de la presse au Ministère de l'Intérieur, Ankara, 1938, стр. 302. Из общей таблицы мы выбрали данные по вилайетам, охватывавшим интересующую нас территорию.

около 900 тысяч человек¹. Правда, эта провинция, кроме Равнинной, охватывала и Горную Киликию, до которой Тигран II не доходил, но последняя была заселена значительно реже, чем первая, и из указанных 900 тысяч подавляющее большинство жило, конечно, в Равнинной Киликии. В начале XX в. на несколько большей, чем провинция Киликия, территории проживало 850 тысяч человек², т. е. произошло даже не увеличение, а уменьшение населения в этом районе Малой Азии.

Таким образом, цифра, указанная Аппианом, если отнести ее не только к Каппадокии, но и к Киликии, вполне вероятна. К тому же она подтверждается свидетельством Страбона о том, что Тигран увел население двенадцати эллинских городов, что приблизительно соответствует 300 тысячам человек³.

В источниках мы находим прямое указание только на два из этих двенадцати *πολεὶς ἑλληνίδες*, на Мазаку, столицу Каппадокии и на киликийский город Сола⁴. По косвенным данным можно установить еще три названия. Плутарх и Кассий Дион сообщают о том, что Сола, опустошенные Тиграном, были впоследствии заселены Помпеем пиратами, взятыми им в плен во время Пиратской войны (67 г. до н. э.). Они сообщают также, что пираты были поселены и в других пустовавших городах Киликии, но в каких именно — не называют. Эти данные дополняются Аппианом⁵, у которого узнаем, что Помпей „поселил пиратов... в Малле, Адане, Эпифании и в других пустовавших и малоллюдных городах этой же Суровой⁶ Киликии“. Естественно предположить, что причиной запустения этих городов, так же, как и Сол, был увод населения из них Тиграном II. Перечень киликийских городов, опустошенных Тиграном II, не ограничивается также приведенными названиями, на что намекает цитированный отрывок из Аппиана. Повидимому, большая часть двенадцати *πολεὶς ἑλληνίδες* находилась в Киликии.

Огромная масса людей, увезенных из Каппадокии и Киликии, представляла собой только часть переселенных в Армению жителей завоеванных стран. Как сообщает Плутарх, та же участь постигла и адиабенцев, гордиенцев и сирийцев⁷. О количестве этих переселенцев нет никаких данных, но, судя по масштабам переселений из Каппадокии и Киликии, их было, вероятно, немало — порядка сотни тысяч человек.

¹ См. „An Economic Survey of Ancient Rome“, VI, Baltimore, 1938: T. R. S. Broughton, Roman Asia Minor, стр. 815.

² См. Г. Микаелян, История Киликийского Армянского царства, Ереван, 1952, стр. 17 сл.

³ См. Strab., XI, 13, 15 (см. ниже, стр. 55).

⁴ Strab., XII, 2, 9; Plut., Pomp., XXVIII; Dio, XXXVI, 37.

⁵ См. App., Mithr., 96.

⁶ Описка автора. Вместо *τρῆχαι* „суровая“ следует читать *καθία*: „равнинная“, поскольку все перечисленные в отрывке города, а также Сола, были расположены именно в Равнинной Киликии.

⁷ Plut., Luc., XXVI.

Нет сведений и о составе этих групп. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что и среди них было много городских жителей. Этот вывод следует из особого интереса Тиграна II именно к переселению городских жителей и из того факта, что большинство опустошенных им территорий изобиловало городами, как, например, Сирия и Месопотамия. Страбон отмечает архитектурное искусство гордиенцев и упоминает в их стране три города — Сарису, Саталку и Пинаку¹.

Особо стоит вопрос о переселении евреев. О нем античные авторы не дают сведений, но их молчание компенсируется красноречивыми свидетельствами армянских источников, которые нельзя игнорировать, хотя это и более поздние источники. Фавстос Бузанд, повествуя о разрушении армянских городов персами в 359 и 364—368 гг., дает некоторые цифровые данные об их населении, уведенном в плен². Цифры очень сильно преувеличены: согласно его сообщению, из восьми наиболее крупных городов Армении было уведено в плен 262 тыс. семей, т. е. более миллиона человек. Гораздо интереснее то, что в шести случаях из восьми автор указывает, сколько из каждого города было уведено армянских семей и сколько — еврейских. По его данным получается, что население этих шести городов на 60 процентов состояло из евреев. В науке эти сведения о соотношении армянского и еврейского населения в армянских городах особым сомнениям не подвергались. Во всяком случае следует признать, что значительная часть городского населения Армении того времени состояла из семитов, в большинстве своем — евреев и прозелитов. Благодаря своей замкнутой общинной организации они одни только, из всех чужеземных жителей армянских городов, к IV в. не ассимилировались армянам³. Если допустить, что в крупном армянском городе в IV в. в среднем проживало 30—35 тысяч человек, а были города, население которых значительно превосходило эту цифру, то получится, что в названных Фавстосом Бузандом шести городах, а также в других городах, проживало много десятков, а может быть и до ста тысяч евреев. Предки этих евреев, вероятно, столь же многочисленные, в своей основной массе могли быть переселены в Армению только при Тигране II, на что и единодушно указывают Фавстос Бузанд и Мовсес Хоренаци⁴.

Подводя итоги, приходим к выводу, что при этом царе в Армению из различных стран было переселено до полумиллиона человек.

О размещении этих огромных масс людей в Армении античные

¹ См. *Strab.*, XVI, I, 2, 4. Ср. *J. Markwart*, *Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen*, Wien, 1930, стр. 9.

² *Фавст.*, IV, 24: Тигранакерт; *Фавст.*, IV, 55: Арташат, Валаршапат, Ерундашат, Зарчаван, Заришат, Ван, Нахчаван.

³ Ср. *С. Г. Еремян*, *Развитие городов*, ВДИ. 1953, III, стр. 24 сл.

⁴ См. *Фавст.*, IV, 55; *М. Хор.*, II, 14, 19. Повидимому, около 40 г. до н. э. при Артавазде II произошло второе переселение евреев в Армению (см. *Я. А. Манандян*, *О торговле и городах...* стр. 84), но оно имело несравненно меньшие масштабы, чем переселение при Тигране II.

историки не дают правильного представления. Следуя им, было бы необходимо признать, что один только Тигранакерт явился тем резервуаром, куда было влито все это население. Но такое решение вопроса, которое сплошь и рядом принимается исследователями, противоречит всему тому, что нам известно об основании городов в ту эпоху.

Чтобы реально представить себе путь развития большого города, возьмем пример Антиохии - на - Оронте — одного из многолюднейших городов древности. При Селевкидах, как говорит Либаний, все цари „думали лишь об одном: каждый хотел оставить город большим, чем он его застал“¹. „Легче измерить морскую воду, чем попытаться описать словами, какими новыми строениями расширил город каждый (царь)“². Город, по свидетельству Страбона³, представлял *тетраполис* — „четыреградие“, то - есть совокупность четырех больших кварталов, построенных в разное время. Основан он был в 300 г. до н. э. Селевком Никатором, назвавшим его по имени своего отца, причем при Селевке был построен лишь один из кварталов города. Селевк собрал в нем население города Антигонии (основанного в 306 г. Антигоном), присоединил к нему местных жителей и пригласил людей из различных эллинских городов Малой Азии и островов. В эту пору Антиохия насчитывала, вероятно, не более 10 тысяч жителей. Впоследствии возник второй квартал, вследствие увеличения населения. Третий квартал был построен при Антиохе III, через 80—90 лет после основания города. Возникновение четвертого квартала относится ко времени Антиоха IV Эпифана (175—164 гг. до н. э.), но на этом рост города не приостановился. Он со временем далеко вышел за пределы четырех кварталов⁴. Только после этого длительного процесса развития число населения Антиохии достигло 2—3 сот тысяч⁵.

Основание Тигранакерта и его разрушение Лукуллом отделены очень небольшим промежутком времени. По мнению Рейнака, этот город был основан в 77 г. до н. э. Эту дату, пожалуй, можно отодвинуть до 83 г.⁶, но во всяком случае история Тигранакерта до разгрома его Лукуллом насчитывает не более 15 лет. Ясно, что за такой

¹ Libanius, XI, 124.

² Там же, 126.

³ См. Strab., XVI, 2, 4.

⁴ См. G. Haddad, Aspects of Social Life in Antioch in the Hellenistic - Roman Period, Chicago, 1952, стр. 54 сл.

⁵ См. там же, стр. 70.

⁶ См. Th. Reinach, Mithradates Eupator, стр. 342. Рейнак связывает основание Тигранакерта с завоеванием Тиграном Каппадокии и Равнинной Киликии. Не вдаваясь в детали хронологии походов Тиграна, можно сказать, что основание города могло произойти и раньше, в период завоевания Тиграном Северной Месопотамии, часть жителей которой, как известно, тоже была переселена в Тигранакерт. Кроме того, не следует забывать, что в Тигранакерте было и армянское население, поселение которого там не стоит в связи с каким-либо завоеванием.

короткий промежуток времени невозможно было возникновение города не то что с полумиллионным, но даже втрое меньшим населением.

Исходя из всего этого, а также учитывая данные источников о значительной величине Тигранакерта, можно допустить, что население этого города, считая свободных и рабов, к 69 г. до н. э., быть может, приближалось к 100 тыс. человек. Тигранакерт уступал по величине не только южной столице Тиграна II — Антиохии — на — Оронте, но, возможно, и северной его столице — Арташату¹.

Чериковер, исследователь, специально занимавшийся вопросами градостроительства в эллинистический период и хорошо представляющий себе условия основания и развития городов того времени, тем не менее пишет: „Вполне возможно, что Тигранокерта имела с самого начала 300 000 жителей. Однако, само собой разумеется, что этот случай представлял собой исключение. Это объясняется характером варварского властителя, который в течение короткого времени возвысился от положения армянского князька до великого царя Востока. Он хотел иметь сразу то, что в других городах являлось следствием долгого развития. Картина будет совершенно иной, если мы от истории образования Тигранокерты обратимся к истории основания Александрии, Антиохии и т. д. Мы должны скорее принять, что эти города, также обладавшие позднее гигантским населением, первоначально насчитывали не более 10 000 граждан“². Автор, как видно, вслед за Моммзеном и Рейнаком, пытается представить основание Тигранакерта, как исключение, как нечто, не укладывающееся в рамки эллинистического градостроительства.

Между тем основание Тигранакерта выделялось в градостроительстве этого времени, быть может по масштабам, но не по методам³. Более того, как было показано выше, оно не представляло собой ничего необычного и в самой Армении. При Тигране II имел место лишь один из этапов процесса, начавшегося задолго до него и продолжавшегося после него.

Армянские источники дают гораздо более верное, чем античные источники, представление о расселении чужестранцев в Армении. Из них мы узнаем, что, кроме Тигранакерта в Алдзнике, существовали еще Тигранакерт в Утике, Тигранакерт в Арцахе, Тигранаван в Голтне⁴. Далее, кроме основания новых городов, имело место расширение старых, существовавших уже до Тиграна II, городов: Арташата, Арма-

¹ Уместно вспомнить замечание Я. А. Манандяна о том, что Тигранакерт, который в 69 г. до н. э. был окружен и осажден сравнительно немногочисленными войсками Лукулла, не мог обладать особенно большими размерами (Тигран Второй и Рим, стр. 63 сл.). Можно добавить, что во время сражения при Тигранакерте Лукулл оставил для осады города всего лишь 6000 человек под командой Мурены (*Plut., Luc., XXVII, ср. также Мемн., LVI*, где указано, что Лукулл осаждал Тигранакерт при помощи лишь части своих войск).

² V. Tsehrikower, *Die hellenistischen Städtegründungen*, стр. 199.

³ См. ниже, стр. 56.

⁴ Ср. С. Т. Еремян, *Развитие городов...*, ВДИ, 1953, III, стр. 14.

вира, Еруандашата, Зареһавана и др., посредством пополнения их населения чужестранцами¹. В свете этих данных становится ясным вопрос о расселении чужестранцев в Армении.

Но и в античных источниках можно найти косвенные данные, подтверждающие факт заселения чужестранцами, кроме Тигранакерта, также других городов. Согласно Плутарху, Лукулл распустил по домам население взятого им Тигранакерта и даже, если верить автору, снабдил средствами на дорогу как эллинов, так и варваров². С другой стороны, согласно Страбону³, в Мазаку после этого события вернулись отнюдь не все жители, а лишь *οἱ δυναμένοι* — „те, кто имел возможность“. то-есть, повидимому, поселенные в Тигранакерте. Остальные, поселенные в других городах, очевидно, такой возможности не имели. Далее, опустошенный Тиграном киликийский город Сола пустовал еще в 67 г. до н. э.⁴, в то время как его население должно было бы вернуться, если бы оно жило в павшем за два года до этого Тигранакерте. Заявление Плутарха о том, что Лукулл, разрушив один город, тем самым основал много новых, оказывается, таким образом, не больше, чем красным словцом, какие у него находятся в изобилии для прославления своего любимца.

Переходя к вопросу о составе переселенных в Армению чужестранцев, более или менее уверенно можно судить об „эллинах“. Нужно сказать, что этот термин имеет в данном случае мало общего с греческим происхождением его носителей. Здесь это скорее социальный термин, обозначающий жителей городов с греческим устройством — эллинистических полисов, независимо от их этнического происхождения. Так, среди „эллинов“, переселенных из Киликии и Каппадокии, были, несомненно, киликийцы, каппадокийцы, сирийцы и т. д.

Города, из которых они были уведены, представляли собой типичные эллинистические полуавтономные полисы. Известно, что один из них — Мазака, столица Каппадокии — управлялся законами, приписывавшимися полубогатому законодателю Харонду⁵, жившему, по преданию, в VI в. до н. э. и происходившему из Сицилии. Другой город, Сола, титуловался *ἄσυλος καὶ αὐτόνομος* и имел, как свидетельствуют происходящие отсюда надписи, обычные для полиса учреждения и магистратуры: *βουλῇ, δῆμος, ἄρχων, γραμματεὺς*, а также обязательный для всякого полиса театр.

Греческое устройство было организовано в нем при Александре Македонском, наложившем предварительно на город пеню за персидскую ориентацию в размере 50 талантов⁶. Сумма свидетельствует о больших возможностях города еще во времена Александра. Страбон,

¹ См. *Фавст.*, IV, 55; *М. Хор.*, III, 16.

² См. *Plut.*, *Luc.*, XXIX.

³ См. *Strab.*, XII, 2, 9.

⁴ См. *Strab.*, XIV, 5, 8; *Dio*, XXXVI, 37.

⁵ См. *Strab.*, XII, 2, 9.

⁶ См. *Arr.*, *Anab.*, II, 5, 5. Первоначально городу было назначено 200 талантов пени.

в свою очередь, называет Сола *πόλις ἀξιόλογος* — „значительный, достойный упоминания город“¹.

Приблизительно таков же был облик и остальных *πόλεις ἑλληνίδες*, население которых было уведено Тиграном в Армению. Как было указано выше, к их числу принадлежали и киликийские города Малл, Ада-на и Эпифания. Эти города получили греческое устройство при Антиохе Эпифане, причем первые два из них были названы Антиохиями, но не удержали нового названия, в противоположность Эпифании, называвшейся раньше Эниандом². Малл и Адана³ чеканили свою монету еще в персидское время.

Состав уведенных из двенадцати эллинистических полисов 300 тысяч жителей, разумеется, не ограничивался свободными (гражданами и негражданами), а включал и рабов и полусвободных земледельцев, живших на землях, принадлежавших этим городам. Такой вывод можно сделать на основании указания Страбона о том, что Тиграном переселялась вся совокупность населения данного города⁴.

В небольшом эллинистическом полисе обычно проживало в среднем 5—7 тысяч граждан, приблизительно столько же свободных неграждан и вдвое больше рабов и полузависимых земледельцев; с этим вполне согласуются и наши данные⁵. Исходя из последних, количество гражданского населения, уведенного Тиграном из полисов, составляло 60—80 тысяч.

Предшествующее изложение велось на основе твердого убеждения, что ни эти граждане, ни прочие свободные, хотя и насильственно приведенные в Армению, не были здесь порабощены. Возможно, конечно, что в сумбурной обстановке переселений кое-кто из свободных потерял свою свободу, а кое-кто из рабов, наоборот, приобрел ее или даже сам стал рабовладельцем. Но речь идет о правиле, а не об исключениях.

Точка зрения, которой мы придерживаемся, стала господствующей после трудов Я. А. Манандяна⁶. Все же некоторые исследователи продолжают считать положение этих переселенцев в Армении рабским. В свое время такого мнения придерживался Х. Самуелян⁷; в

¹ *Strab.*, XIV, 5, 8.

² См. *Plin.*, Nat. hist., V, 27, 93. Cp. V. *Tcherikower*, Die hellenistischen Stadtgründungen, стр. 40 сл.

³ Может быть Адана это тот город царя Азитавадда в „долине Аданы“, который назван в надписи этого царя еще в IX в. до н. э. См. И. Н. Винников, Новые финикийские надписи из Киликии, ВДИ, 1950, III, стр. 89.

⁴ См. *Strab.*, XI, 14, 15; XII, 2, 9. См. ниже, стр. 62 сл.

⁵ См. V. *Tcherikower*, Die hellenistischen Stadtgründungen, стр. 83 сл.

⁶ Например, Я. А. Манандян, Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, 1945, № 15, стр. 11.

⁷ См. Խ. Սամուելյան, Ստրկոթյունը Հին Հայաստանում, ՀՍՍՌ պատմ. և գրադ. հետազոտությունների տեղեկագիր, № 2, Երևան, 1937, стр. 95.

последние годы в том же духе высказывались А. Абрамян¹ и С. Акопян². Основываясь на затронутом выше свидетельстве Плутарха о наделении Лукуллом чужеземных жителей Тигранакерта средствами на дорогу, А. Абрамян полагает, что людьми, нуждающимися в подобной субсидии, могли быть только рабы. Можно лишь повторить, что не следует особенно доверять Плутарху, когда он занят восхвалением Лукулла. Кроме того, далеко не все свободные могли располагать необходимыми суммами, да еще после того, как город был разграблен солдатами того же Лукулла.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что ни один из античных авторов ничего не говорит о порабощении свободного населения, увиденного Тиграном II. Этот довод а *silentio* в данном случае приобретает силу положительного утверждения по той причине, что античные авторы, в особенности же Плутарх, без всякого повода приписывающий Тиграну II разные небылицы, непременно ухватились бы хотя бы за малейший намек на то, что плененные порабощались, если бы они нашли этот намек в своих многочисленных источниках, тем более, что дело касалось „эллинов“, плененных „варваром“. Очевидно таких данных не было не только в руках Кассия Диона или Аппиана и Плутарха, но и в руках столь хронологически близкого к Тиграну II автора, каким является Страбон.

Напротив, если рассмотрим те выражения, в которых авторы повествуют о действиях этого царя, то не увидим никаких оснований для предположения, что чужестранцы, приведенные в армянские города, порабощались. Процесс заселения Тигранакерта большинством авторов характеризуется глаголами *συνοικεῖν*, *συνοικίζεῖν* „совместно поселяться“, „совместно поселять“. Например, у Страбона — τὰ Τίγρανῶκερτα ἐκ τούτων συνφίσε³, у Аппиана — συνφίξεν αὐτοῦς μεθ' ἐτέρων⁴, у Кассия Диона — τῶν ἐνῶν συνοικούντων αὐτοῖς⁵. Плутарх употребляет глагол *κατοικεῖν* „селиться“, „колонизовать“, „проживать“, — αὐτοῦς δὲ χορίζας ἐκεῖ κατοικεῖν ἡγαγασε⁶.

Чужеземные жители Тигранакерта названы также терминами *οἰκήτορες*⁷, *ξένοι*⁸. Вся эта терминология вводит нас в мир эллинистического полиса и ставит синойкизм Тигранакерта в один ряд с обычным основанием и заселением городов, каких было сотни в эллинистическое время. Ни один из приведенных терминов не может обозначать рабов или относиться к рабам. Все это заставляет нас категорически

¹ См. Ա. Աբրահամյան, Հայ ժողովրդի պատմության սկզբնորոշիկացիայի շուրջը, ՀՍՍՌ ԳԱ տեղեկագիր (հասարակական գիտություններ), 1947, № 2, стр. 19.

² См. Ս. Հակոբյան, Ստրկոթյունը և ստրկատիրական հասարակական ֆորմացիան հին Հայաստանում, ՀՍՍՌ ԳԱ տեղեկագիր (հաս. գիտ.), 1948, № 8, стр. 39—41.

³ Strab., XII, 2, 9.

⁴ App. Mithr., 67.

⁵ Dio, XXXVI, 2.

⁶ Plut., Luc., XXVI.

⁷ Strab., XI, 13, 15.

⁸ Dio, XXXVI, 2.

отвергнуть попытки видеть рабов в указанной категории жителей армянского города.

Внесение ясности в этот пункт во многом подсказывает решение и для другого важного вопроса — о занятиях переселенцев в армянских городах. Если они, как было показано, не порабощались и не употреблялись в качестве рабской силы, то ясно, что они сохраняли в новых условиях тот род занятий, который каждому из них был свойственен на родине: ремесленники продолжали изготавливать свои изделия, торговцы торговали, а люди, связанные с обработкой земли, составлявшие большинство населения полиса, как правило, продолжали на новом месте свои обычные занятия. Сохранилось, конечно, также имущественное неравенство и связанное с ним сословное деление. Возможно, как мы уже говорили, что все это в процессе переселений претерпевало некоторые изменения, но это несущественно. Важно то, что сама социальная структура сохранялась, и ее сохранение являлось предпосылкой для восстановления на новом месте политической организации общины. Само собой понятно, что если переселенцев не принуждали отказаться от этой организации, вместе со всем тем, что с ней было связано, то они продолжали ее держаться и постепенно налаживали свою общественную жизнь, восстанавливали свои учреждения и т. п. У нас есть данные, чтобы судить о том, что все это не только не запрещалось, но, наоборот, поощрялось.

В первый период своего существования в Армении „эллин“ (т. е. жители эллинистических полисов), которым в дальнейшем суждено было ассимилироваться армянам, играли ведущую роль, по сравнению с другими слоями населения. Это имело свои причины. Их культура была наиболее развитой и передовой и благодаря этому легко проникала в общества более отсталые, но достаточно развитые для того, чтобы творчески воспринять ее. Их политические учреждения, глубоко вкоренившиеся в их быт, максимально соответствовали тем надстроечным формам, которые создавало зреющее в Армении рабовладельческое общество.

Простор их влиянию давало, несомненно, и то обстоятельство, что политический курс армянских царей включал в себя, как можно заключить на основании многочисленных данных, эллинизацию Армении, и они широко открывали двери для ее проникновения и распространения. Возможно, что народные массы реагировали на это отрицательно, но плоды такого отношения должны были сказаться позже и выразились в том, что Армения все-таки не была эллинизирована.

Для понимания отношения к эллинам правительства и царя важное значение имеет раскрытие титула „филэллин“, принятого потомками Тиграна II. Особенность этого титула по сравнению с титулом „филоромей“ состояла в том, что он не выражал, подобно последнему, внешнеполитических симпатий царя. „Филэллином“ мог титуловаться царь, который имел в числе своих подданных эллинов и проводил в

отношении их благожелательную политику¹. То обстоятельство, что армянские цари долгое время после Тиграна II продолжали носить этот титул, свидетельствует о наличии твердых основ в Армении для соответствующей политики. Кстати, оно является также косвенным подтверждением тому, что эллины, как и прочие чужестранцы, были помещены не только в Тигранакерте, но и в других городах, и падение Тигранакерта, население которого разбредлось по домам, не означало конца их существования в Армении.

Влияние эллинистических государств проникало в Армению с давних пор, еще при Оронтидах, так что нет надобности связывать начало этого процесса со временем и с именем Тиграна II. Однако в I в. до н. э. источники дают более яркие факты проявления этого влияния, причем качественное отличие от предыдущей поры здесь — в массовом появлении в армянских городах населения эллинистических полисов. Именно в этот период особенно интенсивно проникало в Армению всестороннее влияние полисной жизни. Трансформация, которой подверглось в дальнейшем это влияние на почве Армении, и незначительность материальных и литературных остатков, носящих его печать, не дают возможности раскрыть полностью эту проблему. Но кое-что известно.

Некоторые явления, характерные для эллинистического полиса, привились в Армении довольно прочно. Например, сохранились данные о существовании института литургии. Насколько видоизмененным ни оказался со временем этот институт на почве Армении, он обязан своим существованием влиянию эллинистического полиса. Пример литургии дает надпись на греческом языке, происходящая из Гарни. Относится она, как установлено К. В. Тревер, ко времени правления Трдата I (вторая половина I в. н. э.). Согласно остроумному и вполне убедительному в данном пункте толкованию К. В. Тревер, некое лицо, охарактеризованное как *λιτουργός*, выкупает участок стены (то-есть уплачивает его стоимость) в новоотстроенной царской крепости и за это получает право вырезать свое имя на вделанном в стену камне, содержащем стандартную надпись². Литургия здесь, повидимому, связана уж не с городскими нуждами, а с услугой царю. Но развитие этого института в таком направлении вполне естественно в государстве с сильной царской властью, каким была Армения. Время возникновения этого института на почве Армении нельзя установить точно, но во всяком случае он существовал уже при Тигране II (95 — 56 гг. до н. э.). Плутарх указывает, говоря о Тигранакерте: „Так как все частные лица и знать из-за любви и уважения к царю (заботились) о росте и застройке города, то он был полон сокровищ и зданий“. И в этом случае, так же, как и в предыдущем, государственный строй наложил свой отпечаток на характер литургии.

¹ См. А. Gutschmid, *Kleine Schriften*, IV, Leipzig, 1893, стр. 115.

² См. К. В. Тревер, *Очерки по истории культуры древней Армении*, М.—Л., 1953, стр. 206—208.

Другой очень яркой иллюстрацией влияния эллинистического полиса является устройство в городах Армении театра по греческому образцу.

Характерная особенность классического греческого театра заключалась в том, что он представлял собой не только культурное учреждение, но и учреждение религиозной и политической надстройки. Классический греческий театр представлял собой такой же атрибут рабовладельческого города-государства, как и его храмы, празднества и т. д. и даже как его политические учреждения. Государство уделяло театру огромное внимание: для организации театральных представлений выделялись высшие магистраты, право финансировать представление (хорегия) считалось высокой почестью для гражданина полиса, которой усердно добивались. Не случайно, что полис предоставлял гражданам специальную субсидию для посещения театра.

Разумеется, в эллинистический период многое изменилось, и театр приобрел оттенок развлекательности. Но и в это время город с греческим устройством без собственного театра был совершенно немыслим. Сохранилось и его культовое и политическое значение. Класс рабовладельцев попрежнему испытывал необходимость в этом мощном средстве воздействия на массы. Театральное здание было центром общественной жизни, и граждане встречались на его скамьях не только как зрители, но и как участники народного собрания, как правило, происходившего в театрах. Этими условиями и диктовалось устройство театрального помещения. Оно должно было вместить всех граждан полиса.

Все это нужно иметь в виду при рассмотрении эллинистического театра в Армении, чтобы раскрыть не только его культурное значение, но и социально-политическое.

Плутарх сообщает о сооружении в Тигранакерте театра и о приглашении Тиграном артистов на открытие¹.

Можно предположить по косвенным данным, что и в Арташате существовал эллинистический театр с греческими актерами. В известном описании Плутархом встречи Артавазда II с парфянским царем Ородом в Арташате читаем: „Когда голова Красса была доставлена ко двору, пиршественные столы были уже унесены, и трагический актер Ясон из Тралл пел „Вакханок“ Эврипида, сцену Агавы“² и т. д.

Здесь говорится о представлении в пиршественном зале, и отсюда еще нельзя сделать прямого вывода о существовании в Арташате эллинистического театра, но это вполне вероятно. Как известно, Артавазд писал трагедии, несомненно по образцу греческих. Поскольку одной из особенностей греческих драматических произведений было то, что они были предназначены исключительно для постановки.

¹ См. *Plut.*, *Luc.*, XXIX.

² *Plut.*, *Crass.*, XXXIII.

(а не для чтения), должен был существовать театр, в котором Артавазд ставил свои трагедии. Такой театр вероятнее всего находился именно в Арташате. Присутствие здесь группы актеров во главе с Ясоном из Тралл подтверждает это мнение.

Однако, для того, чтобы утверждать, что в Армении существовал эллинистический театр, нужно убедиться в наличии массовой, знаковой с греческим языком, аудитории, без которой он не мог функционировать.

Известно, что окружение царя было причастно к эллинской культуре. Следовательно, эти круги могли стать зрителями спектаклей на греческом языке. Но столь узкий круг зрителей не мог обусловить существование эллинистического театра в Армении: из описания Плутарха мы получаем четкое представление о том, в какой обстановке двор наслаждался игрой греческих актеров — отнюдь не в театре, а в пиршественном зале.

Неизбежен вывод, что театр первоначально был рассчитан на „эллинов“ (т. е. на бывших жителей эллинистических полисов), которые жили в армянских городах со времени их насильственного переселения Тиграном II. Говоря, что театр был рассчитан на них первоначально, мы имеем в виду, что армянские цари надеялись со временем привить театр с его греческим языком также остальному населению городов. Однако первым шагом в этом направлении могло быть только удовлетворение зрителей-эллинов.

Нет ничего невероятного в предположении о том, что театры существовали и в других армянских городах, из числа тех, в которых было эллинское население. К сожалению, ни один из этих городов не раскопан.

Приведенные данные об условиях жизни „эллинов“ в городах Армении дополняются сведениями о евреях. Четкое разделение внутри армянских городов армянского населения от еврейского, имеющееся у Фавстоса Бузанда¹, свидетельствует о том, что евреи еще в IV в. н. э. продолжали жить объединенными в свои общины. Характер подобных общин (политевм) евреев в нееврейских городах (например в Антиохии, в Александрии и др.) хорошо известен: их первоначальной основой служила иудейская религия, а затем они приобретали и юридическую и даже административную автономию. Члены этих общин управлялись и судились по собственным законам и выбирали коллегиальные органы и магистратов для самоуправления².

Существование подобных общин в городах Армении является прекрасной иллюстрацией политики центральной власти по отношению к переселенным чужестранцам. Мы вправе сделать вывод, что если еврейские общины оставались в армянских городах неприкосновенными, тем более это должно было иметь место по отношению к общинам

¹ См. выше, стр. 51.

² См. В. Тирн, *Эллинистическая цивилизация*, М., 1949, стр. 201—203.

„эллинов“, удостоенных особой благосклонности царей-филэллинов. То, что в дальнейшем еврейские общины сохранились, а эллинские — исчезли, является только следствием особой консервативности и замкнутости первых и отсутствия этих качеств у вторых, пошедших по линии постепенной ассимиляции и слияния с армянами.

Здесь, наконец, мы подходим к вопросу об армянском населении городов Армении при Тигране II. То обстоятельство, что до сих пор мы говорили только о чужеземных переселенцах, объясняется исключительно состоянием источников, которые не дают почти никаких точек опоры в этом вопросе.

С. Т. Еремян, исходя из данных Аппиана о поселении Тиграном II в Тигранакерте представителей армянской знати¹, делает вывод, что в городах армяне составляли самые высшие и самые низшие слои населения, в то время как средние слои состояли сплошь из чужестранцев².

Такая постановка вопроса кажется нам спорной. Естественный процесс возникновения городов в Армении начался раньше, чем началось градостроительство, предпринятое центральной властью, и так было не только в Армении, но и во всех тех странах, где имело место градостроительство. Градостроительство лишь на определенном этапе подхватило этот естественный процесс, дало ему новое внешнее оформление и, разумеется, содействовало его быстрейшему развитию.

Первоначальное возникновение городов в Армении проходило, несомненно, так же, как и во всех других странах, — город образовывался на основе сельской общины (или их объединения), расположенной на удобных торговых путях. Сельская община обладала всеми необходимыми учреждениями (совет старейшин, сходка общинников, различные уполномоченные), которые в своем дальнейшем развитии могли превратиться в органы городского управления. Впоследствии города стали возникать и на другой базе, например, на базе частновладельческого или царского хозяйства (дастакерт), но первоначальной основой города, несомненно, служила сельская община.

По мере развития естественного процесса возникновения и роста городов постепенно создавалось и городское население — как его высшие и низшие, так и средние слои. В дальнейшем переселения чужестранцев лишь пополняли население городов Армении, укрепляли и умножали города, но едва ли создавали новые социальные слои населения.

О положении армянского населения в городах при Тигране II приходится делать лишь предположения, основанные на более поздних данных. Из Тигранакерта до нас дошла надпись на греческом

¹ См. *App., Mithr.*, 84.

² См. С. Т. Еремян, *Развитие городов...*, ВДИ, 1953, III, стр. 24.

языке¹, относящаяся к грани III—IV вв. н. э.² По данным этой надписи, города Армении представляли собой политические единицы, обладавшие определенной долей автономии, осуществлявшейся городским коллегиальным органом. Они имели, вероятно, свои небольшие городские военные силы, были свободны от царского гарнизона и т. д.³ Городская община согласно надписи называлась *πολιτεία*⁴.

Отразившееся в надписи устройство городских общин восходит, несомненно, к эллинистическому времени и было продуктом развития армянской сельской общины, с одной стороны, и влияния устройства эллинистических полисов — с другой.

К IV в. в армянском городе, кроме армянской общины, существовала только, повидимому, еврейская. При Тигране II было иначе — имелись еще „эллинская“ и, возможно, другие общины. Каково было соотношение этих общин, насколько общинами были их жизнь и управление и насколько раздельными — мы не знаем.

В заключение коротко остановимся на вопросе о целях переселений, то-есть, в конечном счете — градостроительства.

Особый интерес Тиграна II к переселению именно городских жителей можно считать несомненным — об этом свидетельствуют все источники. Однако, как нам кажется, этот интерес получил в имеющейся научной литературе не вполне правильное истолкование.

Господствующая точка зрения ограничивает цели переселения лишь стремлением развить в Армении ремесленное производство и торговлю, а также насадить эллинистическую культуру. Исходя отсюда, считают, что в Армению из эллинистических полисов были переселены преимущественно торговцы и ремесленники. Между тем источники не содержат даже намеков на то, что при переселении оказывалось предпочтение каким-либо определенным слоям городского населения, скажем — ремесленникам и торговцам⁵. Более того, в нашем наиболее достоверном источнике, в „Географии“ Страбона, мы получаем несомненное доказательство того, что переселялось именно *все* население данного города. Это явствует как из свидетельства об опустошении Тиграном двенадцати полисов (... πόλιν ἑκτισθε... ἐκ ὧνδε καὶ ἐρημώθησαν ὑπ' αὐτοῦ πόλιν ἑλλήνων ἀνθρώπους συναγαγὼν „... основал город... собрав людей из двенадцати опустошенных им эллинских городов“)⁶, так и, особенно, из указания об уводе населения Мазакки (... ἀπαντας γὰρ ἀναστάτους ἐποίησεν εἰς τὴν Μεσοποταμίαν καὶ τὰ Τιγράνιο-

¹ См. C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, I, стр. 416 сл.

² См. J. Markwart, *Südarmenien und die Tigrisquellen*, стр. 134—159; Г. Х. Саркисян, *Город древней Армении (III в. до н. э. — IV в. н. э.)*. Ереван, 1954 (автореферат кандидатской диссертации), стр. 14.

³ См. Г. Х. Саркисян, *Город древней Армении...*, стр. 14.

⁴ См. C. F. Lehmann-Haupt, *ук. соч.*, стр. 416 сл., строки В, 1, 2, 3; С, 3.

⁵ Это замечено также А. Абрамяном, который совершенно справедливо возражает против попыток считать всех переселенцев торговцами и ремесленниками (*ук. соч.*, стр. 39 сл.).

⁶ *Strab.*, XI, 14, 15.

херта ех тоύτων συνήκισε τὸ πλῆθος „... ибо всю (Мазаку) подняв с места перевел в Месопотамию и заселил ею большую часть Тигранокерты“¹.

Поскольку эти сведения общезвестны, остается думать, что приведенная выше точка зрения основана на отождествлении *всего* населения города эллинистического времени с его торгово-ремесленными слоями. Представление о рабовладельческом городе, как о центре, преимущественно торговли и ремесла, является довольно распространенным заблуждением. Эти города, в частности города эллинистического времени, в отличие от феодальных и капиталистических городов, были в первую очередь земледельческими центрами, средоточием эксплуатации рабов в сельском хозяйстве, а также эксплуатации полусвободных земледельцев. Разумеется, ремесло и торговля играли в них очень важную роль (до такой степени, что города, как правило, возникали на удобных торговых путях), но не центральную. „История классической древности, — указывает Маркс, — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии“².

Таким образом, в наших выводах о целях переселений следует исходить из перенесения целых городских комплексов, что на почве Армении, в сочетании с местным процессом образования городов, принимало облик градостроительства.

Каковы были цели градостроительства при Тигране II? Нам кажется, что эти цели не отличались (или не отличались существенно) от тех, которые преследовались в других странах эллинистического мира. Умножение городов приводило, несомненно, к развитию ремесла и расширению торговли, но основная цель царей, поскольку они активно участвовали в градостроительстве, заключалась в укреплении своей социальной опоры в государстве, в укреплении класса рабовладельцев-землевладельцев.

По мере развития общества не только усиливалась степень эксплуатации, но и сильно расширялся социальный состав эксплуатируемого рабовладельческими методами населения: в него постепенно включались свободные прежде общинники. Это требовало усиления и дальнейшей консолидации господствующего класса. Того же настоятельно требовала и завоевательная политика, проводившаяся царями и, в частности, в широких масштабах Тиграном II. Градостроительство вполне удовлетворяло этим требованиям, ибо консолидация класса рабовладельцев-землевладельцев наиболее успешно совершалась именно в городах, внутри которых представители этого класса, объединившись в гражданские коллективы, четко и ясно осознавали единство своих интересов и их противоположность интересам эксплуатируемых масс.

¹ Strab., XII, 2, 9.

² К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ. 1940, I, стр. 15. Это высказывание Маркса об „истории классической древности“ полностью применимо и к истории эллинистического времени.

Однако при одинаковых целях градостроительства в Армении и в соседних странах эллинистического мира условия для их осуществления не были одинаковы. Армения отставала в своем экономическом развитии от стран Двуречия, Сирии и Малой Азии. Городская жизнь была в ней развита в гораздо меньшей степени. В Армении было гораздо больше уголков, почти совершенно не тронутых классовой дифференциацией, и много очень отсталых областей, управлявшихся племенными вождями и неосвоенных центральной властью. Все это сильно затрудняло градостроительство и требовало громадных усилий от центральной власти. Естественно, что в таких условиях дело не обходилось без насилия не только при переселении чужестранцев, но и внутри страны. На это намекает Аппиан, указывая, что Тигран, повелев представителям знати поселиться в Тигранакерте, угрожал конфискацией имущества за непослушание.

Все же, несмотря на указанные трудности, градостроительство в Армении эллинистического времени привело, как мы старались показать, к значительным результатам.